

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР

Часть II

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

сотрудником Музея Антропологии и Этнографии АН СССР, где опубликовал работу: "Погребение у желтых уйгуров" (Сборник МАЭ, т.УП). С начала 1939 г. он производил описание рукописей мусульманского фонда (арабских, персидских и турецких), хранящихся в Институте Востоковедения АН СССР. Длительные перерывы в востоковедной деятельности, связанные с необоснованной репрессией, тяжело отразились на научной судьбе Гульбина: он свершил далеко не все, что мог бы по своим знаниям и способностям, и его основные труды лежат в сфере научной информации. Таковы выполненные им работы:

1. "Материалы по библиографии турецких народностей СССР";
2. "Библиография по этнографии, истории и археологии Туркмении";
3. Библиография "Советская арабистика за 1917-1937 гг.";
4. "Био-библиографический словарь русских и советских арабистов".

Г.Г.Гульбин умер в осажденном Ленинграде в конце декабря 1941 г.

Т.А.Шумовский

Ё Л К И Н А
АННА ФОМИНИЧНА
(1875-1944)

Не только старые научные сотрудники ИВ АН СССР, но и все приходившие в него по делам хорошо помнят маленькую аккуратную старушку, сидевшую за столом около входных дверей.

Она выписывала пропуска, вешала на доску номерки, выдавала корреспонденцию сотрудникам.

Неизменно вежливая, ровная в обращении со всеми, подходившими к ее столу, неторопливая и аккуратная, она работала четко и всегда находилась на своем месте.

Уроженка г.Белоострова, 16-ти лет она начала свою трудовую жизнь домработницей, а в 1928-м году перешла на работу вахтером в Азиатский музей.

С начала Великой Отечественной войны она работала по охране имущества института, его книжных и рукописных фондов, осталась с этой целью в блокированном Ленинграде.

Ей было в то время уже 67 лет, и она вполне могла бы эвакуироваться вместе со стариками и детьми, но Анна Фоминична рассу-

дила иначе, она сказала: "Я человек одинокий, мне не для кого себя беречь. Пусть едут те, у кого есть дети, а я останусь. Может быть и моя старая жизнь пригодится Родине здесь в блокаде".

После полной эвакуации института в Ленинграде на охране научных ценностей института осталось всего пять человек, и в их числе была Анна Фоминична. Жила она далеко от Института в районе ул. Восстания, в Солдатском переулке, но никакие бомбежки и артобстрелы не могли удержать ее дома, и она, как и в мирное время, аккуратнейшим образом ежедневно была на своем месте.

В моей памяти сохранилось ее неизменное спокойствие и уверенность в необходимости ее работы, в том, что она находится на своем месте.

Когда замерзло паровое отопление и окончательно было заморожено помещение института на Биржевой линии д. № I, где он тогда помещался, уполномоченная института языка и мышления Эрика Антоновна Якубинская взяла нас в единственно отапливаемую комнату ее института, в которой мы поместились вчетвером: Д. В. Семенов, А. Н. Болдырев, А. Ф. Елкина и я. Анна Фоминична топила печь и следила, чтобы в помещении была терпимая температура. Круглосуточные дежурства были через день и, боясь идти в пустую нетопленную квартиру, Анна Фоминична дежурила бесценно, ночуя тут же в рабочем помещении. При топке печи Анна Фоминична выгребала немного угля, и мы ночью ставили самовар и немножко отогревались возле него.

Гитлеровцы донимали нас ночными бомбежками. В ночь бывало до 20-ти и более налетов. Анна Фоминична закутывалась в шаль и непременно шла с нами на наблюдательные посты. Никакие уговоры на нее не действовали. Она в свои 67 лет хотела принимать участие в обороне наравне с нами, хотя никто ее к этому не понуждал, наоборот, мы оберегали ее. Ее исключительная сознательность не позволяли ей пользоваться возрастными преимуществами и оставаться в теплом помещении, когда мы дрогли на морозе.

Все стекла в помещении института востоковедения были выбиты взрывными волнами от бомбежек и артобстрелов. Нам ежедневно приходилось помногу работать деревянными лопатами, выбрасывая сквозь проемы окон тонны снега, чтобы не стгноить весной при таянии наши бесценные книжные фонды, и Анна Фоминична из своих последних сил работала наравне с нами.

От непривычной тяжелой работы кровавые мозоли были на руках, пальцы ныли и болели ужасно и, что греха таить, не раз я приходила в крайнее отчаяние от этой непосильной работы, садилась на кучи наметенного снега и, рыдая, говорила: "Прсади все пропадом, я больше не могу продолжать эту чертову работу", но неизменно

за моей спиной слышался спокойный, тихий, старушечий голос: "Как можно говорить так, ведь это книги, в них собрано столько ума человеческого. Не будет нас, другие люди придут, им нужны будут эти книги". Становилось стыдно своего малодушия, и я продолжала молча работать.

Помню, однажды в феврале 1943 г. военные отпустили нам грузовой фанеры для замены выбитых стекол. День был морозный со шквальной сильным ветром. Солдаты сбросили нам фанеру у входа в БАН. Налетел шквал и понес листы фанеры к Малой Неве. Я скомандовала моим двум старикам—Д.В.Семенову и А.Ф.Елкиной: "Ложитесь на листы и придавите своей тяжестью". Но уввы, тяжести не было никакой. Д.В.Семенов как-то оказался под защитой угла здания и его отнесло с фанерой недалеко, а Анну Фоминичну потащило на фанере к Малой Неве, где оставалось большая полянья. Тогда она решила соскочить с листа и удерживать его руками, но поставила лист как парус против ветра.

И вот на моих глазах она с листом фанеры оторвалась от земли и полетела все выше и выше. С криком и плачем я бросилась ее догонять, но на ногах были тяжелые валенки, а маленькую старушку уносило все быстрее и быстрее. Я кричала ей: "Бросьте фанеру! Бросьте скорее!" Но фанера была на вес золота, и старушка судорожно вцепилась в нее и улетала на моих глазах. К счастью шквал несколько изменил направление, и я смогла ухватить ее за ноги, плюхнувшись вместе с ней и фанерой в сугроб, и она сказала, все тем же спокойным голосом: "А все-таки мы спасли этот лист, им можно закрыть почти целое окно в магазине от снега".

Анна Фоминична не дралась с фашистами с оружием в руках, но это тоже был героизм, будничныи незаметныи героизм защитников Ленинграда.

Тяжелая изнурительная работа при непрерывном голодании подорвали слабые старушечьи силы. А.Ф.Елкина не дождалась победы, не дожидла до снятия блокады. Она умерла I-го ноября 1944-го года в госпитале для больных дистрофией, но для нас она останется в памяти навсегда, как пример самоотверженного служения защите Родины в тяжелые годы блокады Ленинграда.

О.П.Петрова